

Марина СЕРОВА

САМЫЙ УСПЕШНЫЙ ПРОЕКТ ГОДА



**Полный
финиш**

БЕЗОПАСНОСТЬ

ЕО ОТДЕЛЕНИЕ
ПОТРЕБИТЕЛЯ

2000

Марина Сергеевна Серова
Полный финиш
Серия «Телохранитель
Евгения Охотникова»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167059

Полный финиш; Золотая мышеловка: Повести: Эксмо; М.: 2004

ISBN 5-699-07233-0

Аннотация

Пути господни неисповедимы. В очередной раз в этом предстоит убедиться телохранителю Евгении Охотниковой. Завершив очередное дело в Питере, она едет в Сочи. Но мечтам об отдыхе не суждено сбыться. К Жене вновь обращается бизнесмен, которого она недавно охраняла. Повод для паники у Рощина был: неизвестные угрожают расправой. Получив от него несколько «наводок», Женя и личная охрана Рощина принимают всевозможные меры безопасности. Но происходит непоправимое. Первый раз в жизни Охотникова не уберегла клиента. Больше того, ее обвиняют в убийстве...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	10
Глава 2	30
Глава 3	43
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Марина Серова

Полный финиш

Пролог

Звери

– Тебе в бейсбол надо играть, Белый. От слова «бей» и еще – «боль». – Глубокий приятный голос выдал эту фразу с претензией на тонкий лингвистический изыск со старательно подчеркнутым пренебрежением.

...Пол был залит кровью. Как будто нерадивая хозяйка, заготавливая из помидоров томатный сок, поскользнулась и разбила уже закрученную банку, облив ее содержимым обои, плинтусы, пол. Несколько капель даже попали на потолок.

Но это все-таки был не томатный сок. Потому что в жилах человека, лежавшего на полу, был не томатный сок, а живая и горячая кровь.

Человек был сильно избит. Можно сказать, изуродован. Лицо, перекошенное гримасой боли и ужаса, до того распухло и обезобразилось, что сложно было определить, сколько же, собственно, лет этому человеку.

Потому что на висках его в слипшихся от крови и пота волосах поблескивали седые пряди, в оскале рта, затянуто-

го мутной кровавой пеной, не было видно зубов, а из распухших губ вырывались беспомощные повизгивающие звуки, срывающиеся в протяжные стоны.

Левая рука его была неестественно вывернута, и не осталось сомнений, что она сломана или вывихнута.

Над ним стоял рослый светловолосый парень с бейсбольной битой, крепко зажатой в татуированной мускулистой руке. На его широком лице угрюмо проступала злоба.

– Ладно... заряди ему еще пару раз в фуфел, Белый. На посошок, так сказать, – приказал сидящий на диване круглоголовый и круглолицый амбал, похожий на рассеянного телевизионного толстяка, рекламирующего одноименное пиво. – Как говорится, надо вложить для ума и для лучшего усвоения общеизвестных истин.

На лице круглоголового появилась саркастическая улыбка, которую можно было бы даже назвать добродушной, если бы не видеть всего происходящего в комнате и не слышать сопровождающих слов.

Именно этот круглоголовый и произнес фразу о бейсболе.

– Да он уж говорить не может, – отозвался Белый. – А че, босс... может, его это самое... того... в расход определить?

– Да ты че, совсем крышу отпустил? – недоуменно проговорил «рекламный» здоровяк. – В расход? Да тебя, Эдик, тут же самого на ноль умножит, дятла. Нет, этот паренек нам пока в тему вписывается. Тем более... кто за него будет отдавать десять «тонн» баксов и информацию о проекте? А?

– Сестричка же у него имеется, – нехорошо засмеялся Белый. – А если у него нет бабок... так вот эту хату спишем под себя.

Толстяк кивнул и поднялся с дивана. Брезгливо толкнул скорчившееся на полу существо носком туфли и сказал:

– Ну, ты... студент. Даже не вздумай подыхать, сука. Напачкал ты тут, надо бы влегкую разгрести. Так что давай... раскидывай мозгами, как тебе лучше решить свою проблему. А не то... С того света поднимем и вытрясем, что нам требуется. Так что информацию ты это самое... поищи.

– Это как – с того света? – хмыкнул Белый.

– А гонца к нему зашлем туда. Кого-нибудь из тех... ну, типа кого он слушать будет. Из родни.

...Гнусный раскатистый смех Белого и гмыканье толстяка долетало до Димы Калиниченко гулким болезненным буханьем в висках – словно приглушенно и на низких тонах грохотал тяжелый колокол. Он уже плохо понимал, что с ним и кто еще пытается влить в пронизывающую его полноводную реку боли очередной ручеек страдания. Впрочем, боль ослепляла только на первых порах. Потом все заглохло, онемело, и даже прямые удары под ребра ощущались Димой как глухое тыканье в бок, да еще через лист фанеры.

Честно говоря, он уже не помнил, что произошло с ним в этот апрельский день, когда, казалось бы, прервалась черная полоса в его жизни, а на истертую бесчисленными касаниями пальцев клавиатуру его компьютера легла яркая солнечная

полоса, просочившаяся из-за тяжелой шторы.

...Звонок прозвучал обыденно и буднично. Дима крикнул маме, возившейся на кухне:

– Открой, я занят!

И руки Димы протянулись к клавиатуре, чтобы вернуться к прерванной нежданным звонком работе над дипломом, который ему предстояло защищать в этом году. Буквально через два с половиной месяца. И вдруг эти руки вздрогнули, и Дима почти против воли испустил протяжный хриплый вопль:

– Погоди... мама, не открыва-ай!

Но было поздно.

Из прихожей раздался сдавленный крик, перешедший в придушенный крик, и чей-то грубый голос рявкнул:

– Тихо, с-сука!

Глухой удар и грохот падения чего-то тяжелого отдался во всем теле Димы всплеском жуткого, животного, пронизавшего всего его страха. Он вскочил с кресла и повернулся к двери... и тут в проеме ее возник знакомый громоздкий силуэт.

– Здорово, Калина!

– Здравствуйте, коли не шутите... – пробормотал Дима и быстро пошел прямо на амбала, – погодите... сейчас... я это самое...

– Стоя-а-ать! – рявкнул толстый. – Успеешь еще посмот-

реть на...

Но Дима успел за его массивным плечом увидеть, что в прихожей неподвижно лежит – с разбитым виском! – его мать, а над ней, ступив здоровенной ногой в замшевой туфле в лужицу набежавшей с маминой головы крови, стоит и недоуменно чешет в затылке Белый. Ублюдок из кодлы Эдика, с которым дернуло его, Диму Калиниченко, связаться.

– Ма-а-ама!!

Дима рванулся так, что даже здоровенный громила в дверях отшатнулся и попятился. Но в следующую секунду его здоровенная пятерня упала на шею Димы и сгребла щуплого студента, как хватают за загривок рахитичного котенка.

Калиниченко попытался вырваться, не переставая что-то кричать в полубеспамятстве и ужасе, но тут же получил такой удар в голову, что вспыхнувший ярко-зеленым пламенем пол прыгнул ему в лицо, а под черепом полыхнула жуткая, раздирающая, тошнотворная боль...

– Ты что же творишь, дятел? – услышал Дима сквозь боль.

– А что, босс?

– Бабу завалил зачем-то, теперь этого сверчка долбишь!

Нам еще его башка пригодится!

...Что было после, Дима помнит плохо. Вспыхивали ожоги боли, кружились вокруг него тирады вкрадчивых слов, перебиваемые тяжелой и грязной матерной бранью. Лишь одно, лишь одно плотно сидело в Калиниченко, будто загнанное в него осиновым колом: маму убили...

– Пойдем, кажется, ему все понятно, что он должен делать, – донеслось до Димы. Он повернул голову, от чего, как показалось ему, в шею ужалила змея. Боль продралась даже сквозь плотную дурнотную пелену онемелости.

И тогда – из какого-то марева – выплыло женское лицо, перекошенное гневом.

– Да что же это такое? – крикнула женщина. – А говорили... пошли друга навестить!

Глава 1

Разговор по душам

Я вернулась из Петербурга ранним майским утром. Когда я ступила на перрон, меня нежно, как галантный танцор подхватывает даму в вальсе, обволокли порывы ласкового весеннего ветра, впитавшего в себя не только индустриальные запахи шпал, рельсов, разогретого мазута, но и благоухание нежной, только что народившейся на свет листвы.

Я очень устала. Не столько физически, сколько морально. В северной столице мне пришлось выпутываться из весьма неприятного дельца, в которое меня вовлекли моя безудержная склонность к приключениям сомнительного толка, а равно и скверный характер местной братвы.

На память о посещении «музея под открытым небом», как претенциозно называют Санкт-Петербург различные искусствоведы и культурологи, я привезла глубокий и плохо подживающий шрам на бедре и глубокую неприязнь к подворотням близ Невского проспекта, где меня два раза едва не препроводили на тот свет.

На перроне я увидела тетю Милу, которая, заметив меня, бодро устремилась к вагону, едва не опрокинув по пути какую-то приземистую старушку со свирепым лицом и несколькими огромными тюками, масса которых, по всей ви-

димости, не намного уступала весовому показателю олимпийского рекорда по тяжелой атлетике в категории этак до девяноста пяти килограммов.

Обняв, тетя Мила окинула меня более пристальным – и, как показалось, критическим – взглядом и сказала с ноткой недовольства:

– А говорила, что заодно и отдохнешь там.

– Где – там?

– Как где? А где ты была? В Питере? А вид такой, словно тебя переслали по этапу из Магадана.

– То есть как это – переслали? – Мой мозг упорно не желал воспринимать прихотливые выверты тетушкиной критической мысли.

– Как переслали? Контейнером, наверно. Потому как для бандероли ты явно великовата, Женечка.

– Вы намекаете на то, что я растолстела, тетушка? – спросила я.

– Если бы! Наоборот – похудела! Чем ты там, в Питере, занималась? Вид у тебя совершенно заморенный.

– Я всегда знала, что вы мастерски делаете комплименты, тетя Мила.

– Самолетом надо было лететь, – сказала она, не обращая внимания на мою последнюю реплику. – А то в поезде... трястись полторы сутки... полтора сутка...

– Понятно, – прервала я метания тети Милы. – Почти тридцать шесть часов. Что касается самолета, вы же знаете:

авиарейсы – не для меня. На самолете – только по необходимости или по принуждению.

– Глупость какая... – фыркнула тетушка. – Все люди могут летать самолетами, а ты не можешь...

– Ничего не все. Есть такой голландский футболист Деннис Бергкамп, так он вообще летать не может. Его так и называют: Нелетучий Голландец.

– Почему не может?

– Не знаю... вроде как панический страх, ухудшение самочувствия... в общем, плохо ему.

– Что, и у тебя то же самое? – встревоженно произнесла тетушка.

– Да нет... – махнула рукой я. – Просто не люблю я, когда мне уши закладывает, как будто туда машинное масло заливают...

* * *

...Причины моей бледности и помятости были самого что ни на есть объективного свойства. Нет, вовсе не оттого, что на меня обрушилась масса огорчений – это если подбирать обтекаемые и мягкие формулировочки. Она была связана с необходимостью плотного общения с питерскими бандитами. И не по той причине, что все время моего пребывания в Северной Пальмире шел мелкий противный дождь, залепляющий окна, а знаменитые белые ночи были скорее гряз-

но-серыми, в желтеющих разводах низких туч. И знаменитая Адмиралтейская игла тупо пронизывала переваренный скользкий кисель неба.

...Нет, вовсе не поэтому. Дело заключалось в том, что, решив отдохнуть от навязших в зубах бытовых хлопот и подняться над туманом, залепившим проспекты, площади и улицы великого города, – подняться в буквальном смысле! – я вскарабкалась на Исаакий.

На Исаакиевский собор – это, конечно, громко сказано: просто поднялась по лестнице на смотровую площадку на высоте где-то около пятидесяти метров.

А может, я и ошибаюсь.

И там, чувствуя за спиной громаду Исаакиевского собора, я наткнулась на проблему, начисто перекрывшую все то, что мутило жизненные горизонты до этого.

Проблема именовалась благородно и звучно, можно сказать – по-графски: Александр Николаевич Воронцов.

Он стоял и смотрел на едва проступающий сквозь дымное варево тумана огромный мегаполис. Среди шумной, хотя и немногочисленной, толпы вскарабкавшихся на Исаакий туристов он сразу не бросился мне в глаза, должно быть, из-за того, что все присутствующие моментально терялись на фоне шумного «нового украинца», который усиленно размахивал здоровенными, пухлыми, как киевские калачи, ручищами и восклицал, продираясь мутным взглядом маленьких бульдожьих глазок сквозь туман и восхищаясь вялой Невой:

– Яка гарна ричка!

И в знак того, что он говорит истинную правду и от чистого сердца, интенсивно теребил «гимнаста» – огромное золотое распятие на толстенной «голдовой» цепуре.

Разглагольствования бравого малоросса сопровождались обильным употреблением пива, с каждым глотком коего накручивались децибелы в его и без того громовом баше. И если на Исаакий он вскарабкался, будучи еще вполне кондиционным, то через несколько минут пребывания на высоте он уже усиленно жестикулировал, раскачиваясь всем своим монументальным корпусом, и грохотал не хуже знаменитого колокола в самом известном соборе Санкт-Петербурга.

На его фоне невысокий, худощавый, стройный Воронцов казался просто мальчиком из подготовительной группы школы. Он время от времени косился на благодушествующего гостя северной столицы и иронично улыбался, причем белозубая его улыбка на смуглом лице, оттененном светлыми волосами, падающими на лоб, была удивительно чистой и почти по-детски наивной.

Это было как удар молнии. Нет, я не люблю худощавых и невысоких мужчин, да еще блондинов, кроме того, мальчишеская внешность будит во мне материнское начало, которое – странно, правда? – подспудно всегда раздражало меня в плане общения с сильным полом.

Или я так хотела думать – обязывала себя так считать по своему профилю?

...Так вот, я не люблю невысоких блондинов и, уж конечно, предпочитаю им высоких брюнетов. Последний мужчина, к которому я питала какие-никакие, но чувства – Костя Курилов, – был именно таким: высоким, атлетичным, язвительным и опасным для женщин брюнетом, при всей голливудскости своей внешности умудрявшийся резко выделяться на общем фоне традиционных модельных красавцев. Мне на них всегда ужасающе везло.

Лицо же Воронцова показалось мне несколько постным и маловыразительным, брови – какими-то выцветшими, складка рта и очертания подбородка – несколько анемичными и безвольными. Хорош был разве что высокий чистый лоб без единой морщинки и брови. Но брови – тоже какие-то не мужские, слишком изящно изогнутые и словно выражающие вечное удивление перед окружающим миром.

Но для того, чтобы заметить все это, я должна была пристально его разглядывать. Чем я и занималась почти против своей воли.

Да, еще у него были маловыразительные глаза.

Одним словом, этот человек идеально подходил на роль мужчины, не привлекающего меня ни при каких обстоятельствах... Однако я никак не могла отказаться от рассматривания его сначала украдкой, а потом самым откровенным образом.

После очередной басовитой тирады украинца Воронцов повернулся, и его глаза встретились с моими. В моих был

живой интерес, а в его... а в его... Большие, очень красивого разреза, чуть раскосые, эти глаза были словно подернуты мутноватой зеленой дымкой – как два омута спокойной и холодной воды, в которых за налетом ряски таится притягательная, жуткая, слепая бездна. И если она, эта бездна, открывается – то не отпускает уже никогда.

Опасные глаза.

Я почувствовала это сразу, хотя давно не видела ничего более безобидного, чем вполне заурядная, опрятная и банальная внешность этого человека.

Он сделал несколько шагов и оказался со мной лицом к лицу.

– Простите, мы с вами случайно не знакомы? – спросил он.

– Нет.

– Странно. У меня такое ощущение, что я вас уже где-то видел.

– В самом деле? Тогда это вдвойне странно, потому что у меня точно такое же ощущение.

– Простите?

– Я говорю, что если вы не видели меня воочию, то, наверно, видели во сне.

Он сказал это так просто и с такой милой улыбкой, что я была мгновенно покорена этой почти мальчишеской непосредственностью.

– А вы от скромности не помрете, – сказала я.

– Как раз наоборот. Вы просто меня плохо знаете.

– Вернее, совсем не знаю.

– Ну да. И как вам Питер? Вы ведь нездешняя, как я посмотрю?

– Да, нездешняя. А вы отсюда, да?

– Да.

– Нравится ваш город, нравится. Я тут часто бываю вообще-то. Если бы не этот туман противный, было бы вообще замечательно.

Воронцов пожал плечами:

– А вот я, как ни странно звучит, терпеть не могу этот город. Красивый – да. Но холодный. Как это в песенке из «Бандитского Петербурга»: «...вижу город, которого нет». Так?

– Да, примерно так. Только я про бандитов кино не люблю. Я на них в жизни налюбовалась, чтобы еще и в кино смотреть.

Воронцов медленно скользнул взглядом – взглядом такого свойства, который в любом другом мужчине меня взбесил бы, – и спросил:

– А вы много общались с бандитами?

– Приходилось.

– Я тоже.

Теперь уже пришла очередь моего пристального взгляда. Поскольку этот человек явно не походил на того, кто способен иметь плотные завязки с асоциальными элементами. Проще говоря, был не из той породы, чтобы «тереться»

с бандюганами.

Он перехватил мой взгляд и понимающе улыбнулся:

– Нет, вы меня неправильно поняли. Просто я работаю парикмахером в салоне «Венеция». Туда любят ходить эти хлопцы. Правда, прически, которые я им делаю, большим разнообразием не отличаются – точно такие же делают в обычной парикмахерской за двадцать рублей, или сколько сейчас там... я не знаю. А у господ гоблинов насущная необходимость, чтобы их обкорнали под расческу за двадцать пять баксов. Снобизм душит, что ж вы хотите.

Я засмеялась.

– Знаете что? – сказал Воронцов. – Вам еще не надоело глотать туман? Лично я им уже досыта наелся.

– А я напротив – что-то проголодалась.

– Вот и отлично, – произнес он. – Как вы посмотрите на то, если я приглашу вас на обед в один маленький, но вполне приличный ресторанчик? Ничего, что я так бесцеремонно, а? – задал он второй вопрос, не дожидаясь, пока я отвечу на первый.

Я улыбнулась и кивнула...

* * *

– Давай перейдем на «ты».

Я взглянула на сверкнувшего своей неотразимой белозубой улыбкой Воронцова и, взяв со стола бокал с мартини,

медленно выговорила:

– Ну что ж, Саша... давай. Откровенно говоря, мне как-то не по себе обращаться к тебе на «вы».

– А, внешность не располагает? – усмехнулся он. – Выгляжу молодо? Да я не такой уже и молодой: двадцать семь лет все-таки.

– На два года младше меня, – грустно сказала я.

Он опустил глаза, скользнув по моим пальцам, и я, перехватив этот взгляд, добавила:

– Нет... не замужем. Обручальное кольцо можешь не искать.

– Странно, – произнес он, глядя не на меня, а на огромное зеркало напротив нас, – такая красивая женщина – и не замужем. Впрочем, это к лучшему.

Я невольно скосила глаза на зеркало, в которое он смотрел: да, в самом деле – красива. И если не присматриваться – еще очень молода. Гораздо моложе своих лет.

Мне всегда говорили, что я особенно хороша в гневе, когда сверкают глаза, пылают щеки, а рот кривится в яростной чувственной гримасе. Но сейчас гневаться не было ни причины, ни смысла, и я просто улыбнулась, сознавая, что Саша прав, что я действительно красивая женщина, что чудо как хороша и при этом – к лучшему – не замужем, и сказала:

– Спасибо.

Кажется, это прозвучало с осязаемой долей иронии, потому что Воронцов склонил голову чуть набок, чем окон-

чательно умилил меня, став похожим на ученика старших классов, глядящего на учительницу, любящую ставить пятерки просто так. За красивые глазки.

В этот самый момент неподалеку от нас расположился вальяжный и весьма внушительных габаритов господин со столь же основательной стильной небритостью а la Роман Аркадьевич Абрамович, в дорогом пиджаке, с неизменным мобильником возле уха, в который он вальяжно выговаривал неторопливые короткие слова, синхронно что-то пережевывая.

К нему не приблизился, а просто-таки подбежал официант и, пританцовывая от усердия, начал совать тому меню. Господин не глядя ткнул в развернутую перед ним библию чревоугодника (то бишь упомянутое меню, толщиной своей мало чем уступающее священной книге – ресторан-то солидный) и продолжил на секунду прерванный разговор.

Воронцов оглянулся на господина и как-то странно посмотрел на меня: в его больших миндалевидных глазах промелькнуло что-то похожее на легкую тревогу.

Несмотря на то что толстяк был увлечен беседой, он заметил мгновенный взгляд Воронцова и на несколько секунд замолчал. На его широком лице, как жирное пятно на белой скатерти, расплылось недоумение.

Потом он поднялся и тяжелыми шагами вышел из зала.

Надо сказать, что в ресторане было два зала – один побольше, второй поменьше, и отделены они были друг от дру-

га массивными колоннами под мрамор и тяжелыми бархатными темно-красными занавесями. Так что из того зала, где сидели мы, не было видно, кто находится во втором зале.

– Это что, твой хороший знакомый? – тихо спросила я и тут же пожалела о своих словах, потому что на лице Александра проступила бледность.

– Хороший... – пробормотал он, комкая салфетку, а потом усилием воли вернул себе спокойствие и добавил: – Я предпочел бы знакомиться с такими людьми где-нибудь этак на кладбище. Прочитать надпись на надгробной плите и сказать: очень приятно познакомиться.

– Извини.

– А за что ты извиняешься? Извиняться надо не тебе... а... да чего там, – он махнул рукой и стал наливать еще martini. Но тут рука его дрогнула, и немного напитка пролилось на бордовую, приятного глубокого оттенка скатерть.

Я, повинуясь какому-то бессознательному импульсу, повернула голову и увидела господина, самое упоминание о котором было так неприятно ему. На багровой бульдожьей физиономии последнего плавало неопределенное выражение ошеломленности и одновременно накатывало бешенство. По всей видимости, оно-то и комкало лоб господина гоблина массивными складками, попеременно то горизонтальными, то вертикальными.

За размашисто шагающим боссом едва поспевал плотный парень с незамысловатым лицом телохранителя средней ру-

ки, с большей охотой и профессионализмом выполнявшего бы обязанности вышибалы, кидалы или мелкого рэкетира.

За руку он держал стройную девушку в дорогом вечернем платье, элегантную, со сложной прической, оттеняющей аристократически бледное, красивое, хоть и несколько вульгарное лицо.

Она была явно испугана, потому что пыталась вырваться, а ее губы кривились от злости и страха, а в глазах метался приглушенный огонек ярости:

– Ты, козел... пусти ты, Боря!

Воронцов повернул голову, и тут же его взгляд уперся в массивный живот своего недоброжелателя, плотно обтянутый превосходным однобортным пиджаком, застегнутым на все четыре пуговицы.

Боря остановился у нашего столика, свирепо глянул на оскорбленно выпрямившегося Воронцова, чьи губы побледнели от напряжения, внушительно помолчал несколько секунд, многозначительно зацепив брюхом спинку стула, и пренебрежительно выговорил:

– Я же велел тебе, козлу, не тереться тут, убудку! Или ты не сечешь темы, крот паленый?

У него оказался сочный, богатого тембра низкий голос. Тяжелые, уверенные слова – я видела – буквально приплюснули беднягу Воронцова к стулу, и – уверена – он почувствовал, что обычно бойкий язык не слушается его, а в ногах вот-вот начнется предательская дрожь.

Воронцов окаменел. Его губы дрогнули и мучительно искривились, прежде чем вытолкнуть словно бы разрывающие ему горло слова:

— Велеть ты можешь своим... вот этим вот. — Он выразительно посмотрел на застывшего за спиной гоблина телохранителя с девушкой, а потом, все так же стараясь не встречаться с Борисом взглядом, добавил: — А что касается темы, как ты выразился, то я после таких подвигов секу ее очень даже хорошо. Так что не порть мне аппетита... Борис.

Имя столь неприятного — нет, ненавистного ему человека! — он произнес так, как говорят о мокрицах, глистах или о других в высшей степени несимпатичных существах из мира фауны.

...Готова поспорить на что угодно, что никогда доселе Воронцов так смело и так дерзко с Борисом не разговаривал. В принципе у последнего был такой угрожающий вид, что даже я, насмотревшаяся на братков достаточно, почувствовала неприятный холодок в спине.

А после слов Александра гoblin стал просто страшен. Его широкое лицо колыхнулось, на скулах дрогнули и закаменели желтые желваки, брови сошлись на вздувшейся глубокими вертикальными морщинами переносице — и все это гримасничанье было бы просто смешным, по крайней мере для меня, если бы в глазах амбала не зашевелилось нечто заставившее меня пожалеть о том, что я обедаю именно в этом ресторане.

Горилла в нищем бюджетном зоопарке, которую держали в тотальной голодовке три дня, выглядела бы просто воплощением миролюбия на фоне Бориса.

Пальцы бандита по отлаженной до автоматизма методике начали складываться в классическую комбинацию для последующей вертикальной, горизонтальной, фронтальной и просто беспорядочной пальцовки.

А потом сжались в кулаки.

Борис приобнял Воронцова за плечи и, наклонившись и почти коснувшись губами его уха, спросил:

– А ты отвечаешь за базар, дятел? Смотри... и тебя в расход пустим.

Тут уж я не могла молчать.

– Простите, молодой человек, но мы обедаем, – сказала я, – и если у вас к Александру какие-то вопросы, то прошу вас выяснить их позже, а не портить нам аппетит своими дурно пахнущими штучками «по понятиям». Хорошо?

Казалось, тот только сейчас заметил меня.

– А ты, будка, загаси хавальник, – сказал он. – Впирает тут, бя... распылилась, сучка. А то гляди: распишем на двоих, если будешь тут бугрить рамсы, соска.

Последняя фраза не блещущего хорошими манерами господина вывела меня из равновесия: странная я женщина, ну не люблю, когда меня называют «сучкой», «соской» и «будкой». И все это в одной фразе. Ну хорошо – в двух.

– Вот что, почтенный Борис Батькович, – предельно ми-

ролюбиво произнесла я. – Я понимаю, что излишки веса и особенности полученного в детстве воспитания мешают вам усвоить правила хорошего тона и наладить культуру поведения, но хотелось бы знать: зачем вы в таком случае ходите в приличные рестораны?

Второй амбал недоуменно поскреб в затылке: по всей видимости, сказанное мною не вмещалось в его секвестрированный, подобно убогому федеральному бюджету, мозг.

А я с невинной благожелательной улыбкой, более подходящей для какого-нибудь высокосветского раута, нежели для препиравства с бандитом, продолжала:

– Ходили бы себе во всякие гоблинарии, где можно официантов на лавэ разводить и чаевые выдавать присылом в контрабас... а то я сначала сочла вас приличным человеком.

Борис отпустил Воронцова и посмотрел на меня. В его взгляде было даже не удивление, нет, что-то неопределенно ищущее! – вероятно, у него просто в голове не укладывалось, как это существо второго сорта, каковыми в глазах подобных роскошных мужчин выглядим мы, женщины, может так спокойно и смело высмеять его, уважаемого в соответствующих кругах человека.

– Да ты че, шалава? – прошипел он. – Ты на кого выпялилась, шалашовка! А ну, Кабан, бери эту парочку – и ко мне в телегу!

– Ты сыт, Саша? – справилась я у Воронцова.

– Да... но...

– Тогда нам осталось только воспользоваться любезным предложением господина Бориса. По всей видимости, он хочет подбросить нас до места.

Выпитый martini будоражил мозг, во всем организме растекалась приятная сытость, а в крови закипало желание... нет, не то желание, а желание немного проучить этого самодовольного грубияна, который к тому же явно не расположен к Саше. К Воронцову, который мне так понравился.

– Только без рук, – сказала я, отстраняясь от второго братка – того, с девушкой, – который протянул свою клешню с целью бесцеремонно ухватить меня за локоть. – Я сама прекрасно хожу.

И я ободряюще посмотрела на бледного как смерть Воронцова, который расплачивался по счету с подошедшим официантом...

* * *

На выходе из ресторана Борис подошел к черному «мерсу-320», открыл его и сказал с неприкрытой угрозой в звучном голосе:

– Садитесь.

– Обсудим дела наши скорбные, как говорил Горбатый, – добавила я.

– Какой еще Горбатый?

– Из «Места встречи изменить нельзя». А садиться мне к

вам в тачку незачем. В общем, так, дорогой мой Борис... не стану скрывать, что я сделала неутешительные для тебя выводы... Хорошо, постараюсь изъясниться на твоём языке, – поспешно добавила я, взглянув на его свирепую физиономию. – В общем, так: берегов ты не чуешь, базаришь гнило и не по делу. Как разводил лошков в эпоху первоначального накопления капитала, так и сейчас по той же методике работаешь. И если ты думаешь, что меня впечатляет твой пуленепробиваемый пивной момон и голдовые цацки, которые ты на себя понацепил, так это совершенно напрасно.

И я мило улыбнулась.

Тот словно обухом по башке получил. Не ожидал, надо полагать, такой отповеди: исчерпывающей, с толком и по существу. Потом свирепо раздул ноздри и хотел что-то сказать, но я опередила его:

– Окультуриваться надо, Боря. В театр ходил бы, в Эрмитаж, в Русский музей. Своего дружка с собой не бери, он, верно, и афишу толком прочесть не может. Как тебя... Кабан, что ли?

Стоявший рядом Воронцов растерянно отхлебнул из недопитой бутылки мартини, которую он машинально – не из побуждений экономии, а просто реализуя хватательный рефлекс, возникший на нервной почве, – захватил из злополучного ресторана.

Кабан, чью бритоголовую особу я так возмутительно опорочила, уставился на меня.

Девушка же, его спутница, хмыкнула, вероятно, подумав, что я точно определила сущность человека с интеллектуальным зоологическим погонялом Кабан...

– Я вижу, подвозить нас вы не собираетесь, – поспешно договорила я и нарочито эффектно – не в силах удержаться от того, чтобы пустить пыль в глаза – взяла Воронцова под руку и повернулась на каблуках, сделав затем два неторопливых шага по удалению от машины Бориса...

...В то же время проворачивала в мозгу картину того, как это выглядит со стороны и насколько красочна и впечатляющая была моя с блеском сыгранная буффонада.

Все-таки, как ни крути, а артистическая натура, за которую в свое время меня наделили лестным прозвищем Хамелеон, так и лезет наружу.

Ну не можешь ты, Женечка, без этих показушных штучек, метался в голове ироничный смешок: пустила в ход весь свой арсенал – тут тебе и театральные паузы, и речи из репертуара голливудских суперменов, и шуточки из шварценеггеровской категории «асталависта, бэби».

И тут до граждан гопов дошло.

– Стоять, сука! – услышала я за спиной, и тут же на нас с Воронцовым – он вздрогнул всем телом – надвинулось угрожающе злобное пыхтение и вопль: – Мочи их к ебням, Кабан!

Так я и думала.

Ну никакой фантазии у мальчиков. Мочи, и все тут. И это

учитывая, что в округе нет ни одного классического сортира, в котором, как известно, акт мочилова протекает в оптимальном ключе.

Одни сплошь гигиенические биологические туалеты.

...Я прихватила за шею Воронцова, в которого метил Кабан, рванула его на себя, чтобы уклонить от удара массивного кабановского кулака, а потом перехватила у Саши бутылку из-под мартини, которую он продолжал нервно сжимать в левой руке... и, повторно разминувшись с траекторией, которую вычертила правая рука Кабана, с силой опустила склянку на череп бритоголового любителя хороших ресторанов и «чтеца» театральных афиш.

Тот рухнул как подкошенный.

– Черепно-мозговая. Не женское это дело, но раз такие мужчины пошли... – с сожалением произнесла я и, остановив проезжавшее мимо ресторана такси, бодро запрыгнула туда, увлекая за собой охреневшего от быстроты разворачивающихся батальных действий Воронцова. – Поехали!

– Куда?

– Куда-нибудь вперед, дорогой! Потом решим!

– А-а, – понимающе протянул тот.

Сзади прогремел взрыв Борисовой ругани, а затем звучный бас бандита потонул в визге шин – и растворился в шуме смыкающегося за нашими спинами огромного города...

Глава 2

Сомнения тети Милы

Несколько минут мы проехали в полной тишине. Мне даже казалось, что я слышу стук сердца, не только собственного, но и сердца Воронцова. Он был бледен, на висках выступили мелкие бисеринки пота, а тонкие длинные пальцы, гибкие, как у пианиста, конвульсивно переплетались и сжимались, словно издыхающие в агонии змеи.

Только когда мы проехали несколько кварталов от злополучного ресторана, он заговорил:

– Я уже думал, что все... Гитлер капут.

– А что это за Борис такой? Ведет себя, как будто он по меньшей мере хозяин этого ресторана.

– Да если бы, – выдохнул Воронцов. – Скотина... А этого Кабана ты здорово приложила... как это тебе удалось?

– Да, здорово. Придется немного в больничке поваляться, – отозвалась я.

– Но как тебе это удалось? Ты же на него не смотрела, а меня буквально выдернула из-под его кулака... Я даже вздохнуть не успел, а ты его уже вырубил. Как это? – Он пытливо уставился на меня и снова, как тогда в ресторане, стал похож на ученика одиннадцатого класса, который просит учительницу растолковать ему, скажем, закон Бойля – Мариотта.

Я загадочно улыбнулась и ответила сакраментальным:

– Много будешь знать, скоро состаришься.

– Куда везти-то? – спросил водитель. – На этот раз более точно определитесь, а?

– Да, конечно, – сказала я, взглянув на по-прежнему бледного, но тем не менее уже немного успокоившегося Сашу, – поедem поточнее. Как ты смотришь на то, чтобы заехать ко мне на чашечку кофе с коньяком, Саша?

И, не дожидаясь ответа Воронцова, продиктовала улицу и дом, в котором жила одна из моих подруг, Наташа Калиниченко. В данный момент она была то ли в Чехии, то ли в Германии и оставила мне ключи. Правда, она сорвалась из Питера при странных обстоятельствах: уехала, не сказав, когда вернется и куда направляется.

...Первый раз за последние два года я сама, первая, предложила мужчине зайти ко мне в гости. Последний раз это было с Костей Куриловым, но с тем мы к тому моменту были знакомы (дай бог памяти) уже не меньше недели, а с Сашей Воронцовым мы познакомились только сегодня.

Так странно и глупо... я уже отвыкла думать о себе таким образом, но, по всей видимости, этот человек с почти мальчишеской внешностью, невысокий и хрупкий, сумел поднять со дна твоей души, Женя Охотникова, что-то такое, что замутило твои обычные жизненные критерии... как поднимается ил со дна тихого холодного водоема, и становится страшно, потому что размывается и скрывается дно и подер-

гиваются зеленоватой дымкой берега.

Но достаточно красивых слов в духе Джона Голсуорси: я просто-напросто влюбилась. Мгновенно. Глупо. Со второго взгляда.

Потому что с первого Саша Воронцов показался мне вполне заурядным человеком.

...Он и сейчас не выказывал ничего незаурядного, а прилипшая ко лбу мокрая прядь волос создавала почти жалкое впечатление. Но мне – тем не менее – бросался в глаза только его точеный профиль и высокая линия чуть выпуклого лба. Лба человека светлого, умного и непосредственного.

Услышав мое предложение, он медленно повернулся, и в больших, чуть замутненных волнением зеленовато-голубых глазах появилась благодарная улыбка. Она же чуть тронула его губы, когда он сказал:

– Спасибо... конечно, если приглашаешь.

Тем более что тебе, Саша Воронцов, по всей видимости, совсем не хочется сегодня переступать порог собственной квартиры – после такого-то инцидента...

* * *

– Это глупо.

Я повернулась на локте и, не обращая внимания на то, что простынка свалилась с моей ничем не прикрытой груди, спросила:

– Что – глупо?

– Глупо то, что я тебя... даже не знаю, как сказать... боюсь, что ли.

– Нормальное чувство, – улыбнулась я, – как дипломированный психолог могу сказать тебе, что боязнь часто переходит в пограничное чувство бережливого отношения к женщине, что, в свою очередь, коррелируется с любовью. Одним словом, можешь считать, что все твои страхи взаимоперетекаемы с подсознательными инстинктами, эманлирующими в процессе...

– Стоп, стоп! – прервал он меня, не замечая моей лукавой улыбки. – Ты что, Женя, решила мне окончательно извилины заплести?

– Извини. Это была шутка. Такие вот у меня глупые шутки, милый.

– Ничего себе – глупые...

– Ладно. Хочешь кофе?

– Нет, спасибо, Женечка. Ты лучше вот что... ты сейчас говорила про то, что ты дипломированный психолог. А кто ты на самом деле? Я же видел, как ты двигаешься.

Я пожала плечами:

– Ну как тебе сказать, Саша? Я думаю, что тебе это покажется странным, но я... я по профессии – телохранитель. Те-ло-хра-ни-тель, – повторила я по слогам, увидев, как вытянулось его лицо, – и храню я не только собственное тело, но и жирненькие тушки клиентов, которые желают уберечь-

ся от неприятностей.

– Почему жирненькие? – машинально спросил Воронцов, окидывая каким-то замороженным взглядом стены и потолок спальни.

Я потянулась всем телом, как сытая и довольная жизнью холеная кошка, и промурлыкала:

– Почему жирненькие? Да потому, что стоят мои услуги недешево. Женщина-телохранитель высокого класса – это, мой дорогой, раритетный товар.

Кажется, он не особо поверил мне. По крайней мере, до Воронцова просто сразу не дошло, что я, Женя Охотникова, – телохранитель. По всей видимости, его представление о телохранителе вписывалось в стандартный стереотип здорового детины с громадными плечищами, мускулами даже на ушах и носу и с единственной извилиной, да и то прямой. В заднице.

– Н-да, – наконец протянул он, – значит, ты это самое... владеешь какими-нибудь единоборствами?

– Ну да, – беспечно ответила я, – черный пояс по карате плюс спецподготовка. А что, ты думал, что все эти спецагенты Никиты только в кино бывают?

– Я не знаю.

– Между прочим, с некоторых пор у бизнесменов стало престижно нанимать женщину-телохранителя, – сказала я. – Скажем, идет с тобой такая хрупкая куколка, все принимают ее за выходной вариант любовницы... представительский

класс. Как «Линкольн». А это оказывается не «Линкольн», а просто-таки боевая машина пехоты или того хуже – ракетный комплекс «С-300». Многие уже попадались на такую уловку.

– А что же... специальные курсы телохранителей заканчивала, что ли? – осторожно спросил Саша.

Я широко улыбнулась:

– Курсы телохранителей? Ну ты сказал. Ты бы еще сказал бы: курсы киллеров или курсы шпионов. Как говорится, я бы в киллеры пошел, пусть меня научат.

...Откровенно говоря, моей учебы в закрытом Ворошиловском институте, курируемом наиболее засекреченными в коридорах власти силовыми структурами и выпускающем кадры для разведки, – так вот, обучения в нем за глаза хватило бы, чтобы приравнять себя и к высокочеловеческому киллеру, и к дипломированному психологу, историку, переводчику и еще десятку специальностей.

Если же присовокупить сюда трехлетнюю стажировку в элитном спецотряде «Сигма», пребывание в котором было тяжелейшим испытанием даже после Ворошиловки, то в тот же перечень можно включить профессии каскадера, телохранителя, тренера по ряду единоборств, а равно и профессионального снайпера, легкоатлета и автогонщика.

И все это с массой эзотерических примочек и технологий под расхожим ярлыком «секрет фирмы».

– Ладно, – сказал Саша с преувеличенной и откровенно

фальшивой бодростью, – неважно, какая там у тебя профессия и какими там еще единоборствами ты владеешь, но...

Он осекся и потом, чтобы как-то заполнить возникшую тягостную паузу, выскользнул из постели и побежал на кухню: вероятно, готовить кофе.

Я осталась одна и в не очень приятном раздумье: почему мужчины, узнав о моей профессии, начинали нервничать и комплексовать? Вероятно, признавали, что при ссоре я вполне могу сделать из них отбивную котлету. Некоторые даже позволяли себе недостойные выходки и называли меня не иначе как «мужеподобным существом, которому лишь бы кого замочить». Я – мужеподобное существо с кровожадными наклонностями? Видит бог, никогда такого не было. Более того, никто и никогда не нашел бы в моей внешности и вне-рабочем поведении хоть какой-то мужской штрих. Хрупкая стройная фигура, нежное лицо, завлекательная улыбка и мелодичный голос – ну чего этим недовольным надо? Глупцы. Только глупцы могли сказать что-то бестактное. Вот тот же Курилов был совершенно равнодушен к моим, как он выражался не без доли веселого цинизма, «бойцовым статьям». Правда, он, следуя в этом моей тетушке, не упускал случая намекнуть, что я занимаюсь не женским делом и что сильная половина человечества меня не похвалит.

Сам же он смотрел на все это сквозь пальцы, потому что был специалистом столь же высокого класса, что и я.

О Воронцове этого сказать было нельзя. Нет, быть может,

он и был спецом в своей области, даже наверняка, потому что плохого парикмахера в элитный салон не возьмут... но я поняла, как неловко он себя почувствовал.

– Брошу к чертовой матери! – неожиданно для самой себя вслух сказала я и подумала, что рано или поздно мне придется выбирать между моей профессией и любимым человеком.

Кто бы он ни был.

...«Мужеподобное существо»! Это надо же такое сказать!

– Ты что-то сказала? – спросил Воронцов, входя в комнату с подносом, на котором были две чашечки кофе.

– Нет... ничего. Ого... Как ты разобрался, где там кофе лежит, где сахар и где кофемолка? Я сама насилу в Наташкином бардаке сориентировалась... правда, только на вторую неделю проживания.

– А эта Наташка, она кто тебе? – посмотрев прямо мне в глаза, спросил Воронцов.

– Подруга.

– Близкая?

– Ну, если квартиру оставила...

– Это не показатель, – неожиданно жестко прервал меня Воронцов, но потом, заметив мой недоуменный взгляд, быстро добавил: – Прости... я, кажется, немного нервничаю после всех этих передраг.

– Хорошо, – сказала я, откидываясь на спину, – знаешь что, Воронцов: выкладывай-ка все о твоих отношениях с этими ребятами.

– Зачем? – тихо спросил он.

– Может быть, я тебе чем-нибудь помогу.

– Зачем тебе лишние проблемы? При твоей работе у тебя их и без того должно быть немало. К тому же... к тому же ты не просто так живешь в Питере, так?

– Так, – кивнула я, – но я уже свой заказ выполнила и теперь могу быть свободна. Конечно, не мешало бы ехать домой, но... но ради тебя могу задержаться.

– Ты думаешь?

– Я уверена.

Заметив мой недоверчивый взгляд, он быстро поцеловал меня куда-то в висок и коротко рассмеялся:

– Не волнуйся, Женя, у меня все будет хорошо. Я тебе обещаю. Более того...

– Что – более того?

– Более того, я гарантирую тебе то, что со мной ничего не случится. Знаешь, каким образом?

Я заинтригованно подняла на него глаза: в тоне Воронцова, приглушенном и с нарочито сгущенной таинственностью, мне почудились новые, еще не столь явные, но несомненно искренние нотки подлинной нежности.

– Каким?

– Мы поедем с тобой на море. Скоро. Через пару недель. Хочешь?

– А куда – на море?

– Нет, ты не уточняй, ты просто скажи – хочешь? Только

не надо говорить: вы понимаете, Алексан Николаич, я так мало вас знаю... просто скажи – да или нет.

Я ответила настолько серьезно, насколько вообще могла при таких обстоятельствах:

– Да.

* * *

Тетушка Мила долго осматривала меня по приезде домой. Когда мы зашли в прихожую, она начала крутить меня перед зеркалом, словно здесь, в квартире, надеялась разглядеть то, что не сумела увидеть при солнечном свете.

– Да... похудела ты, Женька, – наконец констатировала она. – Влюбилась, что ли, в кого?

– Да, – ответила я.

Этот простой ответ произвел на тетушку эффект разряда шаровой молнии. Дело в том, что она долгое время безуспешно пыталась образумить меня и наставить на путь истинный, так как считала мои занятия откровенно не женскими. И с некоторых пор попытки тетушки Милы достучаться до моего сознания, запрограммированного на отторжение ее каждодневной речи о неженскости моего хлопотного ремесла бодигарда и частного детектива, стали иметь некоторый успех. Не знаю, сыграла ли тут свою роль накопившаяся за многие месяцы психологическая усталость или же в самом деле я преодолела некую критическую возрастную точку, по-

сле которой выброс адреналина в кровь был уже не тот и хотелось заняться чем-то более спокойным. Но тем не менее тетя Мила еще никогда не слышала от меня такого простого и естественного «да» на вопрос «А не влюбилась ли ты, Женька?».

Она наморщила лоб, очевидно, старательно вникая в смысл сказанного, и спросила:

– Что, действительно?

– Ну да, – весело сказала я. – А что, я неживая, что ли? И вообще, тетушка... я ужасно хочу это самое...

– Замуж?

– Обедать! «Замуж»! Какое тут замуж после поезда...

– А кто он?

– А по правде, я и сама не знаю, кто он.

Тетя Мила недоуменно подняла брови:

– Как это – «не знаю, кто он»?

– Какой-то парикмахер.

– Парикмахер?

– А что, мне нужно непременно выходить замуж за толстого самодовольного банкира, который сам не знает, сколько у него денег? Нет, спасибо, на этих граждан, да и на их счастливых жен, я уже насмотрелась.

– Парикмахер! – трагическим тоном повторила тетушка. Наверно, точно так же она произнесла бы «сантехник» или «слесарь». Или вообще «бомж» – высшая марка. – Как его хоть зовут-то... твоего парикмахера?

– Саша. Александр.

– Хотя имя хорошее... – с насмешившим меня фатализмом пессимиста – а la ослик Иа из мультфильма про Винни-Пуха – вздохнула тетя Мила.

* * *

«Мой парикмахер» позвонил через час после того, как я, пообедав, растянулась на диване перед моим домашним кинотеатром и поставила экстремальный американский фильм «Пуля». С Микки Рурком в роли отмороженного еврейского зэка-маргинала из Нью-Йорка, прочно сидящего на игле и рамсующего с ниггерами и латиносами.

– Как ты доехала? – спросил он. – Нормально?

– Да, хорошо. Проводник даже отпускать не хотел, так усиленно за мной ухаживал. Чай бесплатно приносил и хотел постельное белье впарить халявно.

Саша рассмеялся:

– Ну и жаргончик у тебя, Женя! Вот что... я взял два билета Петербург – Адлер. Поезд проходит через ваш Тарасов.

– И что? – тупо спросила я.

– Только то, что через две недели мы с тобой едем в Сочи.

– То есть мне остается только подсесть к тебе в купе в Тарасове, когда поезд сделает тут остановку?

– Ну да. Или ты как... привыкла отдыхать на Адриатике и Майорке?

– С тобой – хоть на архипелаг Шпицберген.

– А это где? – после некоторой паузы спросил Воронцов, по всей видимости, разбирающийся в географии так же плохо, как и в психологии.

– А это, мой дорогой, в Северном Ледовитом океане, – засмеялась я.

Глава 3

Поезд Санкт-Петербург – Адлер

В течение этих двух недель мы созванивались с Воронцовым, наверно, раз пятьдесят. Это обстоятельство плюс тот факт, что в один прекрасный день тетя Мила увидела сумму на счете, присланном мне с телефонной станции, едва не привели мою милую родственницу в гости к святому Кондратию. Проще – чуть кондрашка не хватил.

В недавнем прошлом ярая сторонница моего замужества, она вдруг переменила позицию и ворчала:

– Познакомилась с мужиком в этом Петербурге... бандитском... два дня пробыла и уже на! – в Сочи с ним собралась! На курорт!

Я просто не успевала отмахиваться, а однажды, вконец доведенная до ручки этим непрерывным брюзжанием, в сердцах сказала:

– Что-то портится характер у вас, тетя Мила! По-моему, вам катастрофически недостает мужского общения. Пообщались бы поближе с дядей Петей из квартиры напротив, что ли. Авось и сменили бы гнев на милость.

После этих моих слов тетушка просто онемела и оставила свои причитания по поводу моего гипотетического «мезальянса» с «нищим парикмахером».

Стучали колеса. Езда на поезде всегда благотворно действовала на мою нервную систему, с некоторых пор старательно выводимую из равновесия. Мной же самой, всей моей жизнью с резкими перепадами между периодами напряженнейшей работы и расслабленного обломовского ничегонеделания.

Как и говорил Саша, поезд Санкт-Петербург – Адлер шел проездом через Тарасов. В купе, в котором следовало ехать мне и Воронцову, помимо нас, разместились два молодых человека. Как сказал Воронцов, они тоже подсели в Тарасове.

Позднее мне не раз приходилось и радоваться, и сожалеть, что моими попутчиками оказались именно они, но сейчас, при посадке, я просто-напросто равнодушно смотрела, как они суетливо, с шуточками и прибауточками раскладывали, точнее, распахивали свои вещи по полкам.

Не успел поезд тронуться и не успели мы с Сашей перекинуться и парой десятков слов, как молодые люди, к которым невесть откуда – очевидно, из соседнего купе – присоединился третий, вытащили пять полуторалитровых бутылок «Балтика. Медовое крепкое» и рядом установили их под столом. Очевидно, рассчитывая оприходовать весь этот алкогольный арсенал сегодня же, на сон грядущий.

Один из них, высокий, худой, темноволосый, с загорелым ехидным лицом и хитрыми, слегка косящими глазами отпеченого болтуна и вранья, безбожно пялясь на меня, обратился к Воронцову:

– Простите... если уж так получилось, что вам придется терпеть нас две ночи и один день... то не выпьете ли с нами, а?

По всему было видно, что молодой человек уже успел «зарядиться», равно как и оба его спутника – упитанный широколицый крепыш, чем-то смахивающий на добродушного бульдога, и второй, в круглых очках и татуировкой на плече, похожий на злоупотребляющего алкоголем Жака Паганеля в молодости.

Воронцов неопределенно посмотрел на меня, и я, обозначив на лице неопределенную улыбку, ответила вместо него:

– С вами? Смотря что, молодые люди.

– Не смотря. Не что. Не молодые. Не люди, – слегка заикаясь, сказал юный «Жак Паганель». – Не с нами.

– Что, простите? – Я недоуменно посмотрела на очкастого.

– Не обращайтесь на Пашу внимания, – сверкая широченой, как вся его персона, улыбкой, добродушно сказал «бульдог». – Это у него бывает. Просто он немного переучился. Защитил диплом позавчера и теперь загоняется. Да у него и фамилия такая – Немякшин.

– У его прадедушки, наверно, была фамилия Мякшин, а

старичок ходил и бормотал: «Не Мякшин. Не фамилия. Не была», – словоохотливо заявил высокий.

– Я – красавец, – неожиданно изрек гражданин Немакшин. – Я не человек, а сказка.

Я иронично улыбнулась и, посмотрев на счастливого дипломанта, произнесла:

– Если не ошибаюсь, так говорил булгаковский Шарик, стоя перед зеркалом: «Я – красавец. Быть может, неизвестный собачий принц-инкогнито».

– Неприличными словами попрошу не выражаться! – сочно гаркнул Немакшин, а потом, внезапно сменив лукавый блеск в глазах в противовес надуту-серьезной остоленелой mine на вполне человеческое выражение, добавил: – Простите, а вы не работали в прокуратуре?

Он смотрел прямо на меня.

– В прокуратуре? Почему ты так решил?

– Я вас там видел, – вежливо сообщил Немакшин. – Три раза. Один раз – с главным прокурором.

– А ты-то что там делал?

– А он у нас журналист, – сообщил «бульдог». – И Тоша Крылов тоже, – он кивнул на длинного, чьи губы снова разъехались в улыбку.

– Нет, я не работаю в прокуратуре, – ответила я. – Я немного по другому профилю.

– Да я вас знаю, – неожиданно сообщил мне длинный Крылов, – я же про вас статью писал в «Тарасовские из-

вестия», а потом удачно перепродал ее в «Комсомольскую правду». Вы это самое... частный детектив Евгения Охотникова. Точнее, не столько детектив, сколько это самое... телохранитель. Я помню, когда я еще работал в пресс-службе УВД со всякими там Винсами и Орленками, вы что-то там такое... фигурировали в деле об убийстве вице-президента книготорговой фирмы «Рампа-принт» Олега Рогова... Он там еще крысил бабки бандитам, которые ходили под Славой Австралопитеком. Говорил... попозже, попозже... а потом и вовсе откинулся в бессрочный отказ на Елшанское кладбище.

– Совершенно верно, – сказала я, – а я и не думала, что так широко известна в городе.

– Да ладно! – широко улыбнулся Крылов, разливая пиво по стаканам. – Ведь наш милый Тарасов – просто большая деревня, где все друг друга знают. Тем более надо выпить... за знакомство!

* * *

Знакомство выдалось бурным, благо подогревалось алкоголем остаток дня и добрую половину ночи.

Таким бурным, что скоропостижно наступившее утро, закинувшее в окно свою горячую солнечную лапу, показалось мне расцвеченным в мрачные самогонно-рассольные тона. Примерно такого же цвета бывают остатки деревенского са-

могона на дне мутной бутылки, когда смотришь на нее с утра.

Конечно, пили мы вовсе не самогон, а пиво, а потом, после прохождения билетно-паспортного контроля и поездного наряда транспортной милиции, – водку. Надо сказать, что вообще водку я не пью. Не женский это напиток. Но вот только как-то само собой получилось... не знаю.

В памяти осталось только то, что распоясавшееся трио споило несчастного Сашу Воронцова, «ужабившегося в хлам», по выражению г-на Крылова, а потом изощрялось в диких словесных пируэтах. Немякшин раскачивался на верхней полке, как обезьяна на лиане, и непрестанно бормотал уже ставшее сакраментальным:

– Я – красавец. Я не человек, а сказка.

«Бульдог» Костя Ковалев пел песню: «Большие города, пустые поезда, ни берега, ни дна, все начинай сначала», – а потом расхаживал по вагону и с чудовищным грузинским акцентом, басом грохотал:

– Нэ-э-эт билэт!!

Если учесть, что в нашем вагоне было по меньшей мере с десяток кавказцев, эти «прогрузинские выходки» г-на Ковалева выглядели по меньшей мере опрометчиво.

Самым несносным оказался Крылов, которого его друзья именовали собачьей – или попугайской – кличкой Тоша. Это они выкроили из его звучного имени Антон.

Сей Тоша болтал без умолку, повествуя о самых невероятных происшествиях, имеющих место быть в его веселой и

неоднозначной жизни. Каждый эпизод он подытоживал бурным восклицанием:

– Я – великий человек. Я отказываюсь это слушать.

К чему была последняя фраза, я упорно не понимала; вероятно, организм Крылова настолько устал от болтовни своего владельца, что сам не хотел продолжать. Но не мог остановиться, как раскатившаяся под гору скрипучая и грохочущая телега.

К счастью для меня, в конце концов великого человека, который отказывался слушать самого себя, сморил здоровый алкогольный сон, но и уже прикорнув – кстати, положив голову ко мне на колени, – он продолжал пускать пузыри и бормотать о том, как Евгений Рейн приглашал его в Литинститут и как он, Крылов, чуть ли не потомок баснописца, отказался.

Когда я решила, что он заснул, я переложила Крылова на его собственную нижнюю полку. Напротив моей. Тут он открыл глаза, мутно посмотрел на меня, явно не видя, и пробормотал:

– А вы знаете, как умер мой дедушка Иван Андреич Крылов. Или прапрадедушка... Не-е-е-ет, не знаете-е. Он ум-м-мер от заворота кишок. Серьезно! Не верите?.. Не... не...

На отрицательной частице «не» он опрокинулся на спину и захрапел.

Весь остаток ночи меня мучили кошмары. Такое впечатление, что это злосчастное спиртное имело галлюциноген-

ные свойства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.